

Общая газ. — 1998. — 18-25 марта. — С. 10

Два туза из одной колоды

С тех пор как Иосиф Кобзон окончательно оставил эстраду, его фигура — совершенно неожиданно для меня самого — стала занимать воображение все больше и больше. Кобзон совершил поступок, на который знаменитости его ранга попросту не умеют отваживаться — по крайней мере, в наше время. Уйти со сцены — все равно что слезть с иглы: ломка гарантируется такая, что нормальный человек выдержать ее не в силах. Поэтому до смерти пел Вертинский, до смерти будет танцевать Плисецкая, десять раз уйдет и вернется Алла Пугачева, а те из нас, кто доживет до 2022 года, еще услышат, как в июне, на юбилейном концерте споет «Let it be» 80-летний, совершенно не изменившийся Пол Маккартни.

Спокойный уход Кобзона — жест, достойный не нашего XX, а великолепного XVII века. Жан Расин несколько не мучился, забросив драматургию и превратившись из гения в обыкновенного придворного (впрочем, политические интриги Расина при дворе Людовика XIV закончились полным провалом: пожелаем Кобзону большей удачливости). Никаких внутренних драм: ведь на самом деле — куда хуже, если маразм уж наступил, а пальцы все еще тянутся к перу, перо к бумаге и т.д.

Плохо человеку, когда он, выбываясь из последних сил, пишет, поет, танцует или играет в одну десятую долю своего бывшего таланта. Это в подавляющем большинстве случаев выглядит довольно противно. И зачастую становится болезненным испытанием для окружающих: полуживого забавлять, его проекты поправлять, печально приглашать на царство... Надо раз и навсегда договориться: что касается людей искусства, то смерть на своем посту — не патент на душевное благородство, не знак преданности святому призванию, а, как правило, всего лишь симптом наркотической зависимости. Впрочем, я знаю и несколько исключений из правила.

Уход Кобзона — пример для многочисленных подражаний, но дело даже не в этом. Просто я вдруг отчетливо понял, кого напминал мне всю жизнь этот, мною нелюбимый, чересчур монументальный, до антипатичности официальный и все-таки — хороший певец. Его патетическая манера, его тяжеловатое, мужественно-холеное лицо, челка парика и многое, многое другое: задним числом я осознал неслучайное сходство Кобзона с человеком, памятью о котором дорожат миллионы и будут дорожить пожизненно.

Иосиф Кобзон — внешне, нравом, пением — оказался (может быть, показавшись?) поразительно похож на артиста, умершего при советской власти около двадцати лет тому назад. На национального кумира, на «шансоне вся Руси» (как выразился Андрей Андреевич Вознесенский) — на Владимира Высоцкого.

Здесь я попросил бы читателя

на минутку остановиться, отложить газету и самому пережить ту душевную бурю, которую возмутила во мне собственная догадка. Как так?! Главный завсегдатай правительственных концертов — и опальный, полуразрешенный автор «Охоты на волков»? Эстрадный символ стабильности советского строя — и мятежный певец в прерванном полете? Человек, словно бы родившийся в галстук, — и тот, кто «носил гитару на плече, как пару нимбов» (опять же из Вознесенского)?

Апропо — Высоцкий любил на концертах рассказывать историю про то, как его не признали в лицо двое мальчишек: «Смотри, Высоцкий идет! — Да нет, какой это Высоцкий — Высоцкий с гитарой...» И дальше он, не без наигрыша, возмущался: что ж, мол, это такое — гитара у меня, что ли, из боку растет?

А ведь росла. «Что выросло — то выросло» — как говорят в народе. Не боясь высоких слов: Высоцкий был призван петь и, как всякий гениально осуществивший человек, родился в единственно возможное для него время. Дело не в том, насколько счастливое, насколько мучительное — единственно возможное для того, чтобы исполнить предназначение певца и первенца.

И Кобзон тоже. Никакой гениальности ему от Бога даровано не было, но осуществить свои возможности он сумел полностью: в единственно возможное время, на единственно возможном месте. Кобзона и Высоцкого с равным ощущением внутренней правоты можно назвать Первым певцом ушедшей эпохи: от нашего выбора меняются лишь смысловые акценты в слове «эпоха».

Внешне они были довольно похожи: не столько чертами, сколько выражением лица. В этом выражении читалась сила характера, воля к жизни, упрямство и верность целям, раз навсегда перед собою поставленным. Читался ум — не глубокий, но цепкий; читалась властность и страстность. Это были лица Настоящих Мужчин — верящих в себя, в дружбу, в свою правду, в свою Родину. В мире нет и никогда не будет лица популярнее, чем лицо Настоящего Мужчины: Альберт Эйнштейн, Том Круз, Иисус Христос ему не конкуренты.

Кстати, отношение к Богу — никак не читалось на мужественных лицах. Иосиф Кобзон, ка-

жется, до сих пор не афиширует своих религиозных убеждений, а история со строкой из песни — исповеди Высоцкого «Я не люблю...» («И мне не жаль распятого Христа» — «Вот только жаль распятого Христа») слишком извместна, чтоб ее лишней раз повторять. Это как раз тот случай, когда из песни слова не выкинешь, и не нужно принимать констатацию за скрытый упрек. На лице советского человека отношение к Богу не может означать принципиально — а Высоцкий и Кобзон были советскими людьми в самом полном смысле слова.

Оба они любили отчизну странной (для меня и для многих моих сверстников) любовью: они искренне уважали государство. Не только земля и речь — власть тоже для обоих певцов каким-то образом была родной, и это чувствовалось. В концертных репризах Высоцкий мог как угодно хохмить насчет комментатора Николая Озерова, насчет «канадских профессионалов» и «наших любителей» — но сама песня «Профессионалы», посвященная нашей победе в хоккейной Суперсерии-72, излучает безусловный патриотический восторг, яростный и чистый. Когда я впервые ее услышал, мне она активно не понравилась: в нашем кругу вло инакомыслящих, неспортивных подростков хорошим тоном считалось болеть за канадцев. Теперь, когда родное государство можно за многое поблагодарить, но решительно не за что уважать, — я очень хорошо понимаю, почему Кобзон в те годы не уехал в Израиль или в Америку, а Высоцкий — во Францию. «Вы не думайте — я не уехал, / И не надейтесь — я не уеду» — за этими словами стоит не только сила, но и некая правда.

Любовь к власти редко остается неразделенной. Судьба Кобзона в этом смысле комментарию не требует — но вспомним, как вытягивались в струнку перед «мерседесом» «капитана Жеглова» московские гаишники. Как гордились знакомством с Высоцким крупнокалиберные чиновники («Меня зовут к себе большие люди, Чтоб я им пел «Охоту на волков»). И с какой поразительной культурологической догадливостью Леонид Гайдай в своей кинокомедии завел песню Высоцкого царю Ивану Грозному! «Но и в церкви все не так, Все не так, как надо» — да,

именно такую, именно так сказанную правду о жизни и о себе обожает порою послушать как низко-, так и высокопоставленная сволочь.

Меня совершенно не интересует, насколько справедливы слухи о связях Иосифа Кобзона с криминальным миром; мне любопытно вспомнить, что те же самые слухи ходили о Владимире Высоцком. Он от них старательно открещивался: «И тот, с которым сидел в Магадане, / Мой дружок по гражданской войне...» — но чувствовал притягательность «блатного» мира и, в какой-то степени, вероятно, был с ним знаком. Об этом свидетельствует не только великолепная точность ранних песен Высоцкого и его собственная любовь к ним, но и очень спокойные, понимающие интонации в «Моей биографии»: «Пророчество папино не слушал Витька с корешом. / Из коридора нашего в тюремный коридор ушел, / Да он всегда был спорщиком...» Жизнь люмпенов действительно обладает некоторой притягательностью — точнее, может обладать в глазах романтически настроенного Настоящего Мужчины: симпатии к люмпенам являются, если угодно, оборотной стороной воли к власти.

Я не могу вспомнить, участвовал ли Иосиф Кобзон в проекте, посвященном 60-летию Высоцкого, пел ли он его песни — кажется, нет, а жалко. У него, в отличие от большинства, могло бы получиться так, как надо: интонации Кобзона весомы, и он умело обращался со словом. Не «Банька по-белому», разумеется, и не «Считать по-нашему, мы выпили немного...» — но, скажем, «Он не вернулся из боя» — вот песня, которая вполне была бы Кобзону по силам. Кстати, попробуем представить себе, как зазвучало бы у Высоцкого «Не думай о секундах свысока...»? Жизнь, разумеется, не могла ничего подобного допустить, но стилистически такое соединение не кажется невероятным. Оно не режет внутренний слух: оно невозможно, но эстетически не кощунственно. Чтобы понять разницу, вообразите, как военный оркестр, со всеми полагающимися фанфарами и литаврами исполняет песни Окуджавы (этот кошмар, кстати, сбывался в действительности с песней из к/ф «Белорусский вокзал»: «И значит, нам нужна одна победа...»).

Разумеется, в рамках советской культуры Владимир Высоцкий и Иосиф Кобзон оставались антагонистами, но они жили в одной и той же культуре. Их песни (в отличие от песен, скажем, Александра Галича или Александра Градского) определяют ее главный смысловой диапазон, маркируют доминантный тип жизни. Кобзон и Высоцкий — два полюса мужской советской песни. Между полюсами — всегда очень много общего и, как правило, имеется лишь одно определяющее различие: на одном стоит «+», на другом «—».

Александр СОКОЛЯНСКИЙ